

УДК 159.9:316.62

ПРИНЦИПЫ И УСЛОВИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНО-КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ

Г.Ф. Садрисламов

Аннотация

Работа посвящена общепсихологическим и психолого-педагогическим аспектам духовно-нравственного благополучия осужденных преступников и его коррекции, методам его психологической диагностики, принципам и условиям его формирования в местах лишения свободы. Экспериментально обосновывается эффективность коррекционно-воспитательной программы, которая включает в себя систему условий переориентации осужденными своих ценностных и смысловых функциональных образований, актуализацию и формирование механизмов положительного духовно-нравственного целеполагания и целеосуществления, а также систему условий отработки личностью осужденного прочных стереотипов духовно-нравственного поведения.

Уже с древнейших времен человек привык считать, что страшней всего на свете – смерть, безумие и тюрьма [1, с. 22]. Современные пенитенциарные учреждения¹, во многом унаследовавшие от прошлого традиционные методы работы с осужденными, представляют собой замкнутую систему с высокой концентрацией индивидов с духовно-нравственной деформацией, с извращенной системой взглядов на социокультурное пространство: в местах лишения свободы потенциальные личностные и деятельностные духовно-нравственные и моральные особенности, в том числе и познавательные возможности осужденных, находятся в состоянии депривации и резкого ограничения. В таких условиях осужденные вынуждены и продолжают идти по пути совершенствования своего криминального опыта и стремятся как можно лучше отвечать ожиданиям тюремной криминальной среды и криминального сообщества [2–4].

Как справедливо отмечает Ю.А. Алферов, сложившаяся ситуация опасна тем, что «...в современных ИУ развращающее влияние криминализованной среды не только не преодолевается, а получает некоторые дополнительные стимулы: скученность, бесконтрольность досуга, ничем не искоренимое господство преступной идеологии, принуждение среды к асоциальному поведению» [2, с. 12]. Тюремные обычаи и традиции, по убеждению автора, в большинстве случаев превалируют над требованиями администрации.

Большинство исследователей и практиков, хорошо знающих истинное положение дел в ИУ, отмечают, что лишение свободы действительно накладыва-

¹ Совокупность исправительных учреждений (ИУ) – колонии, тюрьмы, изоляторы и т. д.

ет на психологию осужденных определенным отрицательный отпечаток, а значит, практическая психология и педагогика в прикладном варианте в системе пенитенциарной деятельности специалистов должна это учитывать.

Как показывает опыт деятельности в современных пенитенциарных учреждениях, сотрудники ИУ почти не располагают информацией о личности осужденных, о психологических теориях деятельности. «Согнуть их в баранку» – вот главное устремление в отношениях с преступниками большинства сотрудников ИУ. Однако система средств защиты у преступников тоже хорошо отлажена – там полный порядок и строжайшая дисциплина (дисциплина своя, «воровская»). В этой «фронтальной» обстановке нравственные проблемы отношений, на которых строится пенитенциарная соционика, не только не решаются, но и обостряются [2].

В настоящее время с целью перевоспитания и исправления преступного поведения осужденных выдвигаются и реализуются следующие основные задачи: повышение общеобразовательного уровня осужденных; профессиональное обучение или повышение производственной квалификации; охрана здоровья; нейтрализация избыточного привыкания к условиям изоляции от общества; подготовка к освобождению и т. д. Этот перечень включает в себя также задачи формирования у осужденных знаний о требованиях, предъявляемых к членам общества, изменения социальной установки, тренировку правопослушного поведения в условиях обычного общежития, выявление несформированных способностей и т. д. К числу задач процесса ресоциализации следует отнести и оказание психологической и социальной помощи осужденным в период их пребывания в учреждениях, исполняющих наказания.

Наиболее распространенным средством и методом практической реализации всех названных задач является метод «прямого» педагогического воздействия на психику осужденного преступника. Как показали результаты теоретического исследования и опыт практической работы с осужденными, используемые принципы и методы перевоспитания не имеют единого для всех случаев основания и осуществляются вне связи со многими проявлениями целостной бездуховно-криминальной деятельности. Так, например, В.Ф. Пирожков отмечает: «В профилактике уголовного жаргона и борьбе с ним нельзя уповать на использование методов, свойственных периоду тоталитаризма: запретов, дисциплинарных взысканий, а надо делать упор на повышение общей культуры... , используя моральные методы воздействия, в первую очередь – **убеждение**» (выделено мною – С.Г.). Далее автор пишет, что «профилактическая работа в этом направлении должна начинаться в местах лишения свободы с **предупреждения** (выделено мною – С.Г.) каждого новичка о недопустимости использования уголовного жаргона» [4]. В этих цитатах исследователя криминальной субкультуры видна явная непоследовательность.

Причина такого положения, на наш взгляд, состоит в том, что, **во-первых**, в литературе не описаны представления о структуре целостного процесса саморегуляции социально-значимой духовно-нравственной деятельности. В ряде ведущих пособий даже не ставится вопрос о необходимости формирования духовно-нравственных компонентов этого процесса, например, нравственной оценки предметных ситуаций. **Во-вторых**, существующие средства и методы

формирования и коррекции отдельных компонентов целостного духовно-нравственного действия выглядят громоздкими, что вызывает у многих практиков предубеждение к ним. Традиционный информационно-исполнительский подход в перевоспитании представляется им более простым и доступным [5]. **В-третьих**, психолого-педагогические требования и методические разработки, какими бы они не были совершенными, сами по себе не реализуют процесс перевоспитания. Успешная реализация коррекционных программ зависит от того, насколько специалисту удастся полно включить осужденного в духовно-нравственную деятельность. **В-четвертых**, в современных ИУ из средств и методов перевоспитания преступников все больше исключается трудовая деятельность, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение. Как отметил еще Ф.М. Достоевский, арестанты без работы похожи на пауков в склянке, которые готовы съесть друг друга [6]. Все это осложняет практическое решение проблемы перевоспитания и коррекции личности осужденных.

Большинство специалистов утверждают, что основная цель воспитания или перевоспитания должна представлять собой отражение объективных потребностей, которые складываются, в частности, в результате развития социальных запросов. Однако с точки зрения современного философско-психологического и педагогического понимания процесс формирования цели духовно-нравственного воспитания выглядит гораздо сложнее: чтобы развиваться как духовно-нравственная личность, осужденный должен иметь в качестве цели себя самого. Однако он не может осуществлять процесс своего перевоспитания, не преобразуя условия своего бытия, а последнее связано с целями выживания в условиях духовно-нравственной изоляции.

В педагогических и психолого-педагогических представлениях о личности существуют следующие «образы человека», оказывающие непосредственное влияние на формы и содержание практической работы педагогов – на выбор цели, технологии, средств и методов духовно-нравственного воспитания. К таким «образам человека» относятся:

- «ощущающий человек» (человек как сумма знаний, умений и навыков, устройство по переработке информации);
- «человек-потребитель» (человек как система потребностей);
- «запрограммированный человек» (человек как система социальных ролей);
- «деятельностный человек» (человек, осуществляющий выбор; как выразитель смыслов и ценностей).

Например, если специалисты в педагогике исходят из образа «человека ощущающего», то личность сводится к сумме знаний, ее действия расцениваются как продукт прошлого опыта, а процесс воспитания личности подменяется убеждениями, уговорами. Как отмечает А.Г. Асмолов, в результате преобладания подобного подхода в воспитании и перевоспитании личности происходит процесс обнищания души при обогащении информацией [7].

Представляется, что лишь образ «человека-деятеля» может являться основой для построения современной концептуальной модели коррекции духовно-нравственного неблагополучия осужденных. Если исходить из образа «человека-деятеля», то личность осужденного понимается как субъект выбора, порождаемый жизнью, стремящийся к достижению целей и отстаивающий тот или

иной образ жизни, а в центр педагогического процесса ставится поиск оптимальных форм организации совместной деятельности и общения между людьми.

В целом можно сказать, что в основе исправления личности осужденного должны лежать следующие факторы: его включенность в условия «живой» духовно-нравственной деятельности; бесконфликтные отношения с окружением, а также искупление, т. е. самоснятие вины преступником посредством своего признания, чистосердечного самоосуждения, раскаяния, понесение принятого им наказания и совершение реабилитирующих его духовно-нравственных действий, вызывающих прощение. Искупление – психологическое условие возвращения человека к людям, предпосылкой которого является раскаяние и покаяние преступника.

Особо следует отметить, что системно-деятельностный подход к перевоспитанию личности осужденного тесно связан с решением проблемы личности воспитателя. Эта проблема – одна из важнейших при организации процесса перевоспитания, так как общая культура осужденных формируется не только на базе прогрессивных программ и пособий. Чрезвычайно важно в этом процессе не только личное, но и личностное общение осужденных с воспитателем. Необходимым условием деятельностного воспитания духовно-нравственной личности является развертывание воспитательного процесса как диалога.

Для совершенствования системы пенитенциарных воздействий необходимо целостное (позитивное) духовно-нравственное пространство, в котором пребывает осужденный преступник. Наряду с новыми поисками необходима также реконструкция и восстановление ранее существовавших добрых обычаев и традиций, нравственных и этических норм, принципиальности и требовательности, деятельностного климата. Именно духовно-нравственная культура, по утверждению П.А. Флоренского, есть среда, растящая и питающая личность, которая задает ориентиры подлинной духовной жизни, снижает опасность иллюзий относительно собственной значимости и превосходства [8].

В ходе изучения литературы и анализа существующей пенитенциарной практики было установлено, что социокультурное исправительное пространство должно рассматриваться как система влияний и условий развития духовно-нравственной личности, а также как система возможностей для саморазвития, содержащихся в ее окружении. В качестве таковых были обозначены: а) природное (биофизическое, физико-химическое) окружение; б) общественное или социальное окружение, связанное с характером взаимодействий социальных объектов; в) личностные (психологические) переменные, особенности деятельности и жизнедеятельности осужденных; г) профессиональные и личностные (психологические) переменные, особенности деятельности психологов, воспитателей; д) технология перевоспитания.

Моделирование, а затем и формирование идеального социокультурного воспитательного пространства – это взаимосвязанное и взаимопроникающее проектирование каждого из компонентов в контексте организации системы возможностей для развития и реализации личностных ценностей всех субъектов воспитательного процесса. Очевидно, не будет ошибкой и утверждение о том, что вообще всякое неблагоприятное изменение переменных, принадлежащих совокупностям «а», «б», «в», отрицательно влияет на функционирование пере-

менных из совокупностей «г» или «д». С другой стороны, социокультурные переменные «а» или «г» тем или иным образом в процессе своего изменения оказывают влияние на биологические, психические, социальные переменные.

В силу наличия этих связей информационный обмен с объективно существующими условиями социокультурного пространства может носить двухсторонний характер, отвечающий современным представлениям о механизмах «обратной связи» или «обратной афферентации» [9, 10]. Аналитическое рассмотрение каждой из названных переменных и их источников позволяет подойти к выделению составляющих каждого уровня условий, выступающих в качестве деятельностного базиса в коррекционно-воспитательном процессе.

В целом взаимодействие осужденного с миром можно представить следующим образом: с одной стороны, он сам как субъект, с другой – физические, социальные объекты, а между ними – психологические орудия, использование которых осужденным открывает ему новые возможности.

Коррекционная часть исследования осуществлялась в 2003–2005 гг. Опыт-но-экспериментальной базой коррекционной работы послужили подразделения ГУИН Минюста РФ по Республике Татарстан, где в результате диагностических исследований деформации духовно-нравственного поведения осужденных и коррекционной работы с ними были получены и проанализированы материалы по следующим шести группам испытуемых:

- 1-я экспериментальная группа состояла из 20 человек, осужденных за кражу и воспитываемых, как и последующие две (2-я и 3-я) экспериментальные группы по разработанной нами программе духовно-нравственного развития;
- 2-я экспериментальная группа состояла из 19 человек, осужденных за сексуальные преступления;
- 3-я экспериментальная группа была сформирована из 22 человек, осужденных за насильственные преступления;
- 4-я контрольная группа включала 32 человека, осужденных за кражу и перевоспитываемых, как и все испытуемые контрольных групп по, традиционной системе;
- в 5-ю контрольную группу вошли 20 человек, осужденных за сексуальные преступления;
- 6-я контрольная группа состояла из 23 преступников, осужденных за насильственные преступления.

Всего в коррекционном исследовании приняло участие 136 осужденных. Исследование осуществлялось лонгитюдным методом в несколько этапов.

На первом этапе формировалась готовность осужденных к взаимодействию с психологом и к самоизменению «Я-образа». Это реализовывалось посредством установления психологического контакта и преодоления различных видов психологических защит у осужденных.

На втором этапе определялись индивидуальные показатели, характеризующие деятельностные и личностные уровни духовно-нравственного благополучия, особенности структурной организации этих показателей.

На третьем этапе рассматривалось соотношение динамики показателей в условиях традиционной системы исправления и разработанной коррекционно-развивающей технологии.

Основная суть современных принципов социальной коррекции состоит не в том, чтобы сформировать (скорректировать) осужденного, а в оказании помощи ему стать самим собой. По мнению В.П. Зинченко, «в этом ... заключается подлинная философия культурной педагогики, которая должна быть педагогией не ответного, а ответственного действия» [11, с. 12].

Главными психолого-педагогическими ориентирами служили следующие положения, определяющие деятельностный (модальностный) характер коррекционной модели:

а) социально-психологические, природные и техногенные объекты представлялись личности осужденного как равные ей в своей самооценности, что обуславливало взаимодействие с ними на основе духовно-нравственных норм, правил и т. д.;

б) природные, социально-психологические, техногенные объекты выступали для осужденного в роли референтных лиц, меняющих его взгляды, оценки, отношения к себе, другим людям, вещам, природе;

в) все названные группы объектов выступали для личности осужденного в качестве партнеров по общению и совместной деятельности.

Наряду с коррекцией деятельностного содержания исправительного пространства в местах лишения свободы, уделялось внимание количественным параметрам развития духовно-нравственного отношения к объектам:

- **широте** духовно-нравственных отношений в исправительной среде, которая обуславливала необходимость организации воспитательного процесса таким образом, чтобы включить в субъективное пространство отношения к миру как можно больше различных по своему характеру объектов;

- **энергичности** пенитенциарного пространства – интенсивности отношения к различным объектам, которая основывалась на том, что исправительный процесс должен быть направлен на расширение возможности проявления осужденным своего отношения к этому пространству в сфере чувств, в познавательной сфере, в его практических действиях и поступках.

Коррекция **осознанности** субъективного духовно-нравственного отношения к объектам была также целесообразна в работе с осужденными, т. к. она определяет возможность осуществления рефлексивного анализа, который является условием волевой самокоррекции личностью духовно-нравственного поведения.

Особое значение в нашей модели коррекционного пространства придавалось параметрам **принципиальности** и **сознательности** духовно-нравственных отношений. Их коррекция осуществлялась в условиях отстаивания своих убеждений; путем создания ситуаций, в которых осужденный представлял и понимал глобальное значение духовно-нравственных проблем и др.

Нами была разработана и апробирована модель духовно-нравственных занятий, проводившихся в форме олимпиад, тренингов, учебной деятельности, соревнований, психодрам, самодиагностики и др.

Несмотря на внешнюю простоту заданий, модель духовно-нравственных занятий была сконструирована как система коррекционно-воспитательных приемов, каждый из которых инициировал действие определенного психологического механизма развития духовно-нравственного отношения к внешнему миру.

Все виды занятий базировались на методологии социально-психологических упражнений, направленных на решение следующих задач: а) коррекцию и развитие духовно-нравственных установок; б) коррекцию целей духовно-нравственного взаимодействия личности осужденных с социальными, психологическими и природными объектами; в) обучение и воспитание духовно-нравственных умений и навыков такого взаимодействия; г) коррекцию и развитие перцептивных возможностей осужденного при его контактах с природными, социальными объектами, событиями, другими людьми; д) коррекцию и развитие знаково-символических умений и навыков; е) расширение индивидуального духовно-нравственного пространства.

После установления доверительных контактов с осужденными специалисты привлекались к проведению специально организованных социально-психологических тренингов, главным содержанием которых было сформировать навыки продуктивного общения в конфликтных ситуациях.

В коррекционный эксперимент были включены тренинговые занятия по «Истории общества», «Истории мировой культуры». Духовно-нравственная коррекция осуществлялась также в условиях организации музыкально-художественной деятельности. В коррекционном эксперименте использовались и многие другие социально-педагогические и нейропедагогические приемы – ауто-тренинг, медитация, работа со сновидениями и др., с помощью которых осуществлялась реабилитация инстинктокатических и социальных типов осужденных.

Для создания более адекватной системы контроля и оценки качества духовно-нравственного развития осужденных, которая позволила бы судить о развивающем эффекте коррекционного эксперимента, а также осуществлять диагностику и коррекцию духовно-нравственной деятельности, были проведены специальные исследования в ряде ИУ Республики Татарстан. При этом задача заключалась в том, чтобы рассмотреть связь между внешними характеристиками и особенностями внутренней духовно-нравственной деятельности.

На каждом этапе экспериментального исследования диагностировались:

- уровень развития отдельных компонентов духовно-нравственной деятельности;
- уровень развития целостной духовно-нравственной деятельности;
- уровень общего духовно-нравственного развития.

Исследование духовно-деятельностных показателей проводилось методом наблюдения, бесед и интервью, а также с помощью специализированных методик. Кроме того, применялась методика неоконченных предложений и др.

Для исследования личностных духовно-нравственных особенностей были выбраны три модифицированные и апробированные методики:

- опросник «духовный дифференциал» [12];
- опросник для изучения духовной деформации личности [12];
- опросник для исследования уровня человечности [13].

Перечислим показатели, характеризующие содержательные параметры компонентов духовно-нравственной деятельности: 1. духовно-нравственные целеполагания, ценности, убеждения, мотивы и смыслы, которыми руководствуются осужденные; 2. этические знания, умения, способности, связанные с усвоением и применением нравственных норм; 3. доминирование и насыщенность

деятельности духовно-нравственными эмоциями и чувствами; 4. самопознание и осознание своих и чужих нравственных действий, поступков; 5. прогнозирование последствий действий и поступков, нравственного выбора для себя и других; 6. коррекция своих духовно-нравственных действий и поступков; 7. знаково-символические умения.

Показатели, характеризующие духовно-личностный уровень: 8. духовная сила; 9. духовная красота как совокупность духовных ценностей; 10. духовная активность; 11. духовный эгоизм; 12. духовная безответственность; 13. стремление к господству; 14. преумножение зла; 15. степень выраженности добра; 16. степень выраженности зла; 17. экспертная оценка общего уровня деятельностного и личностного духовно-нравственного развития.

Относительно последнего показателя заметим, что предварительные результаты исследования выявили не слишком высокую его надежность и автономность относительно других показателей. Адекватность экспертной оценки должна базироваться на положении о сложности духовно-нравственной деятельности, а также на том, что каждый компонент должен соотноситься с любым из других, так как духовно-нравственное целеполагание пронизывает своей тканью все духовно-нравственные целеосуществления. Субъективная шкала оценивания каждого из экспертов должна содержать в себе все те духовно-нравственные признаки, которые обуславливают тот или иной уровень их развития.

Все эмпирические данные в соответствии с задачами исследования подвергались качественному анализу и статистической обработке, которая включала в себя: вычисление статистических нормативов (средние значения, стандартные отклонения, коэффициенты вариации и т. д.); определение достоверности среднегрупповых различий по критерию Стьюдента-Фишера, учитывающего различную размерность экспериментальных групп.

Дальнейший анализ экспериментальных данных проводился с помощью метода оценки корреляционных плеяд по П.В. Терентьеву и С.Л. Вельдре. Этот метод позволял обеспечить объективное отделение существенных связей от несущественных, объективное разделение признаков по степени их значимости, определение характера взаимосвязей внутри любого комплекса признаков.

Анализ полученных экспериментальных данных свидетельствовал о том, что существуют довольно значимые индивидуальные и групповые различия по деятельностным и личностным духовно-нравственным особенностям осужденных в каждой из групп испытуемых.

Оценка величин деятельностных духовно-нравственных показателей, полученных в 2004 году (до начала эксперимента), указывала на то, что у большинства испытуемых как экспериментальных, так и контрольных групп они имеют высокие значения деятельностного духовно-нравственного неблагополучия. Обнаруживается недостаток духовно-нравственных целеполаганий, этических знаний и умений, недостаточный уровень оценки и контроля своих действий, знаково-символическая деятельность по своему содержанию не отличается от деятельности криминальной субкультуры. Статистические различия между группами по всем нравственно-деятельностным показателям не обнаружены.

Следует заметить и то, что на первом этапе сбора информации отображение экспериментальных и поведенческих заданий испытуемыми осуществля-

лись в основном через криминальные способы восприятия и преобразования информации. Однако по мере своего духовно-нравственного исправления (от 1 к 3 этапу) осужденные экспериментальных групп все больше и больше обращались к собственным духовно-нравственным переживаниям, проявлениям чувств, образным выражениям, жестам, мимическим реакциям духовно-нравственной направленности. Содержательный анализ материала, полученного в экспериментальных группах осужденных, показал, что именно эти эмоциональные характеристики представляют собой «центры» обобщенного аффективно-смыслового образования – системы, состоящей из множества иррациональных признаков. Эти аффективно-смысловые образования организуют деятельность, т. е. выполняют множество регуляторных функций.

Общими чертами всех результатов в экспериментальных группах в этом направлении оказались следующие: во-первых, представленность духовно-нравственных переживаний в оценочных суждениях, целеполаганиях, контроле действий и поступков, их прогнозировании и коррекции; во-вторых, устойчивость нравственно-эмоциональных признаков в рассматриваемых элементах деятельности. Таким образом, можно было убедиться, что по мере развития специально организованного эксперимента по коррекции духовно-нравственных особенностей осужденных происходил перевод отображаемых предметных условий с криминального языка на язык нравственно-эмоциональный.

Выявленный характер динамики деятельностных и личностных показателей духовно-нравственных особенностей осужденных преступников в условиях разных воспитательных технологий подтвердил наши теоретические предположения. Общая динамика такова: статистически одинаковый уровень сформированности деятельностных и личностных духовно-нравственных особенностей в 2004 году имеет устойчивую позитивную динамику в экспериментальных группах, использовавших развивающую технологию воспитания к 2005 году – третий этап сбора информации (см. рис. 1 и 2), в то время как в контрольных группах динамика является неустойчивой и ненаправленной. Это указывает на эффективность примененной технологии перевоспитания.

Как было показано выше, на первом этапе лонгитюдного исследования статистически достоверных различий по всем изученным показателям в выборках осужденных экспериментальных и контрольных групп не обнаружено. Именно то, что с 2004 года осужденные воспитывались по разным пенитенциарным технологиям, имея на тот момент одинаковый уровень духовно-нравственного развития, позволило нам рассматривать его как исходный (фоновый) и сравнивать динамику сформированности и развития всех деятельностных и личностных особенностей, начиная со второго этапа сбора информации.

Из результатов, приведенных в рисунках и их сопоставления, видно, что предложенный разрыв в величинах среднегрупповых показателей духовно-нравственных (деятельностных и личностных) особенностей осужденных экспериментальных групп, перевоспитывающихся по развивающей технологии, по сравнению с воспитывающимися по традиционной технологии оказался более выраженным. Это еще раз убеждает нас в преимуществе развивающих методов и приемов духовно-нравственной коррекции осужденных перед традиционными технологиями воспитания в ИУ.

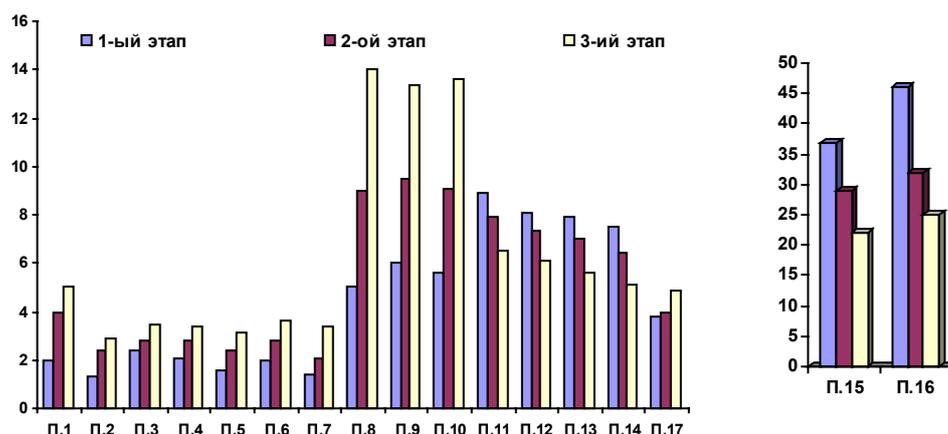

Рис. 1. Динамика среднегрупповых величин показателей, характеризующих деятельностные и личностные духовно-нравственные особенности экспериментальной группы осужденных за кражу

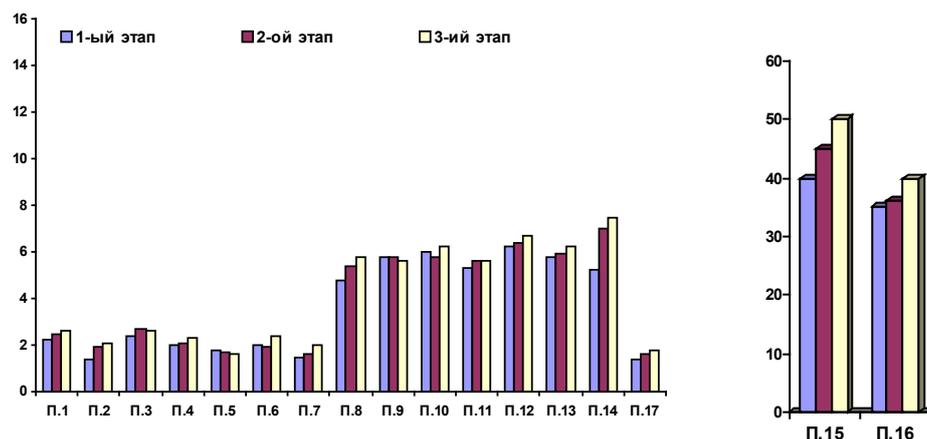

Рис. 2. Динамика среднегрупповых величин показателей, характеризующих деятельностные и личностные духовно-нравственные особенности контрольной группы осужденных за кражу

Анализ соотношения деятельностных и личностных показателей духовно-нравственного благополучия осужденных, полученных в различные периоды развивающего и традиционного пенитенциарного воспитания, показал, что повышение общего уровня духовности осужденных в условиях развивающего коррекционного воспитания сопровождается увеличением числа и сложности положительных корреляционных связей в деятельностно-личностных структурах; незначительное повышение общего уровня духовно-нравственного развития преступников, находящихся в ИУ в условиях традиционного воспитания, сопровождается упрощенными, более дифференцированными деятельностными и личностными признаками (см. рис. 3, 4).

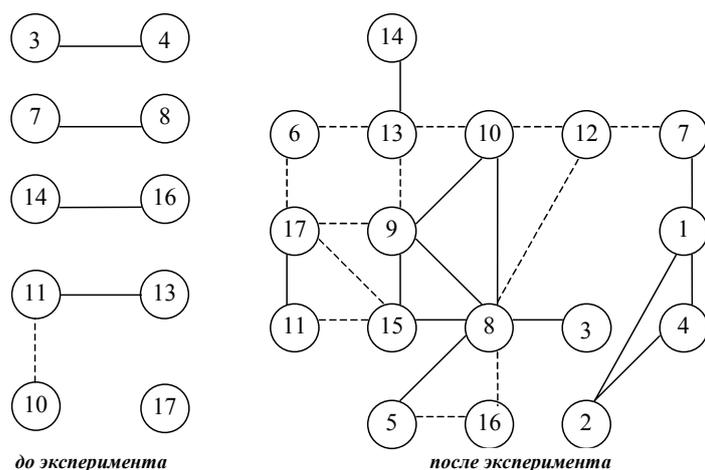

Рис. 3. Корреляционные плеяды экспериментальной группы осужденных за кражу

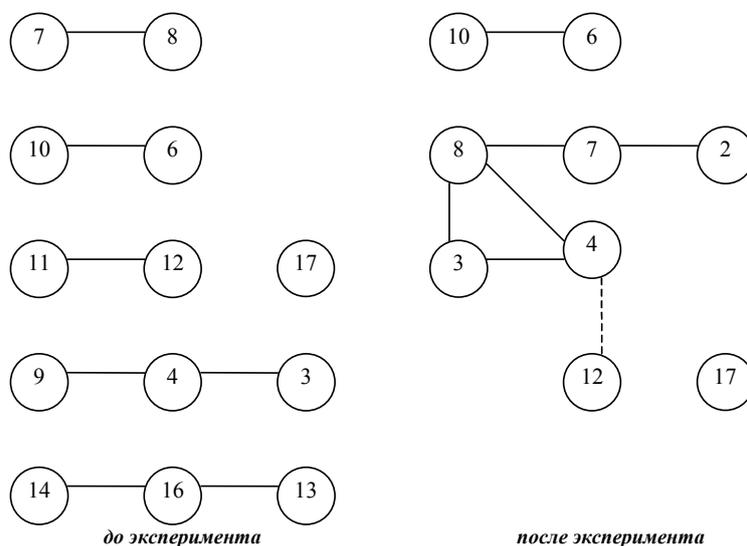

Рис. 4. Корреляционные плеяды контрольной группы осужденных за кражу

Содержательный анализ корреляционных матриц показал, что росту духовно-нравственного развития осужденных сопутствует сложная, многообразная структура связей параметров. По-видимому, в процесс развивающего перевоспитания вовлекаются разнообразные уровни функционирования системы. Прежде всего вовлекаются, актуализируются и в этой актуализации находят свое развитие духовно-деятельностные параметры.

Поскольку в нашем исследовании принцип субъекта деятельности явился основополагающими в решении проблемы становления и развития духовно-нравственной личности преступников, можно думать, что в процессе осуществления «живой» коррекционной деятельности на протяжении нескольких лет у них стали развиваться аффективно-смысловые деятельностные и личностные образования, которые позволили достичь позитивной динамики уровня духовно-нравственного развития.

Summary

G.F. Sadrislamov. The principles and conditions of the treatment and rehabilitation of convicted criminals.

The work is devoted to the general psychological and psychopedagogical aspects of the moral and spiritual welfare of convicted criminals and their rehabilitation; to the methods of its psychological examination; to the principles and conditions of its shaping in the places of confinement. The experimental results reason the effectiveness of the correctional program which includes:

- the system of terms on a reform of the functional formations of both the material and spiritual values of convicts;
- the actualization and formation of mechanisms of the positive moral and spiritual aiming and gaining; and also
- the system of conditions under which a convicted person would exercise and execute sound behavioural moral and spiritual stereotypes.

Литература

1. *Буковский В.И.* И возвращается ветер. – Нью-Йорк: Хроника, 1978. – 384 с.
2. *Алферов Ю.А.* Пенитенциарная соционика: тайна межперсональных отношений в преступной среде. – Домодедово: ВИПК МВД России, 1999. – 124 с.
3. *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии. – М.: Юристъ, 1997. – 631 с.
4. *Пирожков В.Ф.* Криминальная психология: Психология подростковой преступности. Кн. 1. Юридическая психология. – М.: Ось-89, 1998. – 304 с.
5. *Аболин Л.М.* Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека / Под ред. В.В. Давыдова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 1987. – 262 с.
6. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. – М.: Наука, 1970. – 808 с.
7. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: «Ин-т практ. психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 768 с.
8. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Ч. 1; 2. – М.: Прогресс, 1990.
9. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966. – 349 с.
10. *Анохин П.К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса. – М.: Медицина, 1968. – 547 с.
11. *Зинченко В.П.* Размышление о душе и ее воспитании. – М.: РАО, 2001. – 34 с.
12. *Аминев Г.А., Аминев Э.Г., Сафронова В.П.* Инструментарий пенитенциарного психолога. – Уфа: УЮИ МВД РФ, 1977. – 170 с.
13. *Попов Л.М., Кашин А.П., Старшинова Т.А.* Добро и Зло в психологии человека. – Казань; Нижнекамск: Казан. гос. ун-т, 2000. – 176 с.

Поступила в редакцию
03.10.06

Садрисламов Геннадий Фаридович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экстремальных и кризисных ситуаций Казанского государственного университета.